

УДК 159.9+801.9

DOI: 10.34670/AR.2026.73.92.008

Мотивационно-смысловой, целевой и операционально-исполнительский планы организации голосового поведения: к уточнению ранее предложенной модели деятельностной и мотивационной интенций

Барабанов Родион Евгеньевич

Доктор философии (Ph.D.), кандидат психологических наук, специалист высшей квалификационной категории, доцент, кафедра общей психологии, кафедр психологии и педагогики образования, Институт психологии им. Л. С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6; e-mail: ksp_kpr_14@mail.ru

Тачева Екатерина Александровна

Преподаватель высшей школы, методист, мастер-тренер по работе с голосом и речью; магистр театрального искусства (методика преподавания сценической речи), магистр психологии (консультативная психология), аспирант, Московский институт психоанализа, 121170, Российская Федерация, Москва, Кутузовский просп., 34/14; e-mail: 2586449@mail.ru

Аннотация

Категориальная организация голосового поведения в соотношении мотива, личностного смысла, цели, коммуникативного намерения и способа голосовой реализации остается недостаточно разработанной. Цель исследования – теоретически уточнить ранее предложенную модель деятельностной и мотивационной интенций, разграничив мотивационно-смысловой, целевой и операционально-исполнительский планы организации голосового поведения. Методологическую основу составил деятельностный подход; применены теоретико-методологический и категориальный анализ, а также сопоставление отечественной теории деятельности и речевой деятельности с современными исследованиями коммуникативных намерений и намеренной модуляции голоса. Показано, что мотив и коммуникативное намерение не тождественны: мотив относится к более широкой системе активности и личностного смысла, тогда как коммуникативное намерение характеризует целевую направленность конкретного действия. Голосовая реализация рассматривается как операционально-исполнительский план, включающий способы просодического и акустического оформления действия.

Сформулирован принцип неединственности соответствий между мотивом, целью и звучанием, ограничивающий прямой вывод о психологическом содержании поведения по отдельным акустическим признакам. Предлагаемое уточнение задает методологические основания для последующей эмпирической проверки устойчивых форм голосового поведения и требует учитывать задачу, ситуацию и внутрииндивидуальную повторяемость голосовой реализации.

Для цитирования в научных исследованиях

Барабанов Р.Е., Тачева Е.А. Мотивационно-смысловой, целевой и операционально-исполнительский планы организации голосового поведения: к уточнению ранее предложенной модели деятельностной и мотивационной интенций // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 7А. С. 73-87. DOI: 10.34670/AR.2026.73.92.008

Ключевые слова

Голосовое поведение, голосовое действие, мотив, личностный смысл, цель действия, коммуникативное намерение, теория деятельности, мотивационно-смысловая организация, целевая организация, операционально-исполнительская организация, методология психологии.

Введение

Исследование голоса в психологии сталкивается с методологической трудностью, которая становится особенно заметной при переходе от описания акустических характеристик к объяснению поведения человека. По звучанию можно фиксировать высоту основного тона, интенсивность, темп, временную организацию, качество фонации и другие параметры. Однако психологический вопрос возникает не тогда, когда обнаружено изменение параметра, а тогда, когда требуется понять место этого изменения в действии субъекта: что человек пытается сделать в данной ситуации, почему эта задача для него значима и каким способом он использует доступные голосовые средства.

Современные исследования подтверждают, что человеческий голос является динамическим социальным сигналом и может меняться в зависимости от контекста и задачи [Guldner et al., 2024; Hughes, Mogilski, Harrison, 2014; Leongómez et al., 2021; Hughes, Puts, 2021]. В эксперименте S. Guldner и соавторов говорящие намеренно изменяли голос, чтобы сформировать у слушателей определенные социальные впечатления; часть таких модуляций была распознаваема и соотносилась с заданной задачей формирования социального впечатления [Guldner et al., 2024]. Более ранняя работа S. M. Hughes, J. K. Mogilski и M. A. Harrison также показала, что участники способны целенаправленно изменять голос при попытке звучать привлекательнее, увереннее, доминантнее или интеллектуальнее, причем разные задачи сопровождалась различными акустическими изменениями [Hughes, Mogilski, Harrison, 2014]. Эти результаты существенны для психологии голосового поведения, но сами по себе еще не отвечают на вопрос о его внутренней организации. Наличие намеренной модуляции свидетельствует о связи звучания с задачей, однако не позволяет автоматически заключить, какой мотив лежит за этой задачей и какое психологическое значение имеет конкретный способ звучания для данного человека.

В ранее опубликованной работе Р. Е. Барабанова и Е. А. Тачевой голосовое поведение было представлено через деятельностную и мотивационную интенции [Барабанов, Тачева, 2026]. Содержательным ядром этой модели было различие двух сторон: голосовых проявлений, связанных с конкретной целью коммуникации, и более широкого мотивационного основания поведения. Такое различие остается продуктивным. Вместе с тем последующая разработка модели обнаруживает категориальную проблему. В исходной формуле целевой план был связан с осознаваемым действием, а мотивационный - с преимущественно неосознаваемой деятельностью. Тем самым в одном различии оказались соединены два критерия: функциональное место процесса в структуре деятельности и степень его осознанности.

Для деятельностной психологии это не одно и то же. У А. Н. Леонтьева деятельность соотносится с мотивом, действие - с целью, а операция - с условиями и способом выполнения [Леонтьев А. Н., 1975]. Мотив может осознаваться неполно или не осознаваться как таковой, но из этого не следует, что деятельность определяется через неосознанность. С другой стороны, отдельные элементы способа действия могут автоматизироваться и выпадать из актуального сознательного контроля, хотя само действие сохраняет направленность на цель. Поэтому бинарная схема «осознаваемое действие - неосознаваемая деятельность» недостаточна для описания голосового поведения.

Вторая трудность связана с термином «интенция». Если «мотивационная интенция» используется как другое название мотива, стирается различие между мотивационным основанием деятельности и направленностью конкретного речевого действия. В модели порождения речевого высказывания А. А. Леонтьева система мотивов и первичная ориентировка предшествуют речевой (коммуникативной) интенции; после формирования интенции и выделения коммуникативной задачи разворачиваются дальнейшая ориентировка и внутреннее программирование [Леонтьев А. Н., 1975, с. 136-138]. Следовательно, уже внутри отечественной психолингвистики речевая интенция не тождественна мотиву. Современные исследования коммуникативных намерений также трактуют их как цели межличностных действий [Hellbernd, Sammler, 2016]. Поэтому употребление «мотивационной интенции» как синонима мотива требует пересмотра.

Цель настоящей статьи - теоретически уточнить ранее предложенную модель деятельностной и мотивационной интенций, разграничив мотивационно-смысловой, целевой и операционально-исполнительский планы организации голосового поведения. Предмет исследования - категориальная организация голосового поведения в соотношении мотива, личностного смысла, цели, коммуникативного намерения и способа голосовой реализации.

Новизна исследования. Ранее предложенная нами модель «деятельностной и мотивационной интенций» [Барабанов, Тачева, 2026] фиксировала различие между целевой и мотивационной обусловленностью голосового поведения, но соединяла функциональное место процесса в структуре деятельности со степенью его осознанности. С учетом предшествующих моделей речевой деятельности уточнение связывается не с самим введением трех уровней, а с их применением к психологической интерпретации голосового поведения. Коммуникативное намерение категориально отделено от мотива; операционально-исполнительский план определен как аналитический уровень реализованного способа звучания, не тождественный психологической операции. Сформулирован принцип неединственности соответствий между мотивом, коммуникативной целью и голосовой реализацией. Из него следует ограничение прямого вывода от акустического признака к мотиву и требование учитывать задачу, ситуацию и внутрииндивидуальную повторяемость поведения. Результаты могут использоваться при

проектировании исследований голосового поведения и его устойчивых форм.

Методология исследования

Методологическую основу составляет деятельностный подход. Применены теоретико-методологический и категориальный анализ, сопоставление отечественной теории деятельности и теории речевой деятельности с исследованиями мотивации, коммуникативных намерений и намеренной модуляции голоса. Анализ построен на разграничении мотивационного, целевого и исполнительского уровней и на сопоставлении данных о производстве и восприятии голосовой модуляции.

Границы анализа

Статья носит теоретико-методологический характер. Нами в настоящей работе используется, как было указано, выше категориальный анализ таких понятий, как: «деятельность», «действие», «операция», «мотив», «личностный смысл», «цель», «намерение»; произведен сравнительный анализ отечественной теории деятельности и теории речевой деятельности; выполнено аналитическое сопоставление этой категориальной рамки с исследованиями мотивации и волевой регуляции, просодической передачи коммуникативных намерений и намеренной модуляции голоса [Леонтьев А. Н., 1975; Рубинштейн, 1957; Леонтьев А. А., 1969; Леонтьев А. А., 1999; Gollwitzer, 1999; Achziger, Gollwitzer, 2008; Hellbernd, Sammler, 2016; Hellbernd, Sammler, 2018; Gao et al., 2024; Guldner et al., 2024; Hughes, Mogilski, Harrison, 2014; Leongómez et al., 2021; Hughes, Puts, 2021; Барабанов, Тачева, 2026; Зимняя, 2001; Тарасов, 1990]. Единицей анализа в статье выступает не отдельный акустический параметр, а голосовой компонент действия субъекта в конкретной социально значимой ситуации. Термин «голосовое действие» используется здесь в узком рабочем смысле - для тех эпизодов, в которых выбор или изменение способа звучания функционально подчинено выделяемой цели взаимодействия. Если голосовой компонент не имеет самостоятельной целевой организации, то точнее говорить о голосовой стороне или операционально-исполнительской организации более широкого речевого либо коммуникативного действия. Это различие не требует выделять «голосовую деятельность» как самостоятельный общепринятый вид деятельности и не превращает каждое акустическое изменение в отдельное психологическое действие. Голосовой компонент получает свое содержание из более широкой системы мотивов, задач и условий активности субъекта.

Принципиально важно обозначить границу интерпретации эмпирической литературы, которая была нами изучена. Работа N. Hellbernd и D. Sammler показывает, что ряд коммуникативных намерений может получать различные просодические конфигурации и распознаваться слушателями даже при ограничении лексической и контекстной информации [Hellbernd, Sammler, 2016]. Последующие нейрокогнитивные исследования этих авторов и P. Gao с соавторами относятся уже к обработке намерения слушателем и поддерживают различие акустического, категориального и более абстрактного социально-интенционального уровней [Hellbernd, Sammler, 2018; Gao et al., 2024]. Работы по намеренной голосовой модуляции, в свою очередь, показывают, что говорящий способен изменять звучание в соответствии с заданной социальной целью [Guldner et al., 2024; Hughes, Mogilski, Harrison, 2014]. Ни один из этих типов данных не доказывает, что по акустическому признаку можно

непосредственно восстановить мотив действия личности. Однако, в настоящей статье они используются нами для разграничения целевой направленности и голосовой реализации, а не как прямое подтверждение мотивационно-смыслового плана.

Мотив, цель и способ выполнения в структуре голосового действия

В теории деятельности А. Н. Леонтьева структурные различия задаются не степенью осознанности, а тем, с чем соотносится соответствующий процесс [Леонтьев А. Н., 1975]. Деятельность определяется своим предметом и мотивом; действие подчинено представлению о результате, то есть цели; операционный состав зависит от условий, в которых цель должна быть достигнута. Эта схема не является готовой теорией голоса, однако задает требование к психологическому анализу: прежде чем объяснять конкретное звучание, необходимо различить, ради чего осуществляется более широкая активность, какой результат преследуется в текущем действии и каким способом этот результат достигается.

Такое разведение имеет прямых предшественников в отечественной психологии речи. И. А. Зимняя, анализируя внутреннюю организацию речевой деятельности, выделяет мотивационно-побудительную, ориентировочно-исследовательскую и исполнительную фазы; при говорении исполнительная фаза получает внешнее выражение в артикуляции и акустическом эффекте [Зимняя, 2001]. В деятельностном анализе речевого воздействия Е. Ф. Тарасов также использует категории мотива, цели, действия и операции и связывает способ речепроизводства с условиями общения [Тарасов, 1990]. Поэтому новизна настоящей статьи не может состоять в самом факте трехчленного разведения мотивационной, целевой и исполнительской сторон речи. Задача статьи состоит в том, чтобы определить их соотношение применительно к голосовому поведению и установить пределы психологического вывода от наблюдаемого звучания к цели и мотиву.

Для центрального вопроса статьи особенно важно другое положение А. Н. Леонтьева: одно и то же действие может реализовывать разные деятельности и, следовательно, иметь разные мотивы; одновременно один мотив может конкретизироваться в разных целях и порождать разные действия [Леонтьев А. Н., 1975, с. 50]. Это положение исключает прямое тождество между внешней формой действия, его целью и мотивом. Применительно к голосовому поведению оно дает методологическое основание рассматривать связь «мотив - цель - звучание» как неединственную уже до обращения к конкретным акустическим данным.

Для анализа одного и того же акустического признака существенно учитывать принцип детерминизма С. Л. Рубинштейна: внешние воздействия преломляются через внутренние условия субъекта [Рубинштейн, 1957]. Поэтому сходное по акустической форме повышение интенсивности нельзя наделять неизменным психологическим значением. В одной ситуации оно может входить в способ настоять на требовании, в другой - сопровождать эмоционально вовлеченное объяснение, в третьей - определяться шумом или дистанцией до собеседника. Психологическое значение признака устанавливается не по его физической форме самой по себе, а через место в задаче, ситуации и действии субъекта.

Психолингвистическая традиция А. А. Леонтьева позволяет продолжить это различие применительно к коммуникации. Речевое действие рассматривается не изолированно, а в связи с более широкой деятельностью, ориентировкой в ситуации и адресате, конкретной задачей общения [Леонтьев А. А., 1969; Леонтьев А. А., 1999]. Из этого следует важный для голосового поведения вывод: голосовой способ не имеет неизменного психологического содержания вне

системы действия. Даже если определенная просодическая конфигурация устойчиво распознается слушателем как выражение определенного коммуникативного намерения, психологическое объяснение поведения конкретного говорящего требует различать его коммуникативную цель, более широкий мотив и конкретные условия исполнения.

Именно здесь проявляется недостаточность термина «деятельностная интенция», если им обозначается целевая сторона голосового поведения. Слово «деятельностный» указывает либо на общий методологический подход, либо на принадлежность к деятельности как более широкому уровню. Если же речь идет о конкретном процессе, направленном на достижение цели, теоретически точнее говорить о целевом плане голосового действия. Возможный термин «действенный» также не снимает проблему полностью: в русском языке он легко читается как «эффективный, приводящий к результату». Поэтому в дальнейшей схеме используется выражение «целевой план голосового действия», которое прямо указывает на категорию цели и не смешивает уровни анализа.

Мотив и коммуникативное намерение: почему их необходимо разводить

Мотив и коммуникативное намерение связаны, но не совпадают по функции. В деятельностной логике мотив соотносится с деятельностью и отвечает на вопрос о том, ради чего она осуществляется [Леонтьев А. Н., 1975]. Более прямое основание для разведения этих категорий применительно к речи дает А. А. Леонтьев. В его модели порождения речевого высказывания система мотивов и первичная ориентировка предшествуют речевой (коммуникативной) интенции; после формирования интенции и выделения коммуникативной задачи следует дальнейшая ориентировка и внутреннее программирование речевого действия [Леонтьев А. А., 1999, с. 136-138]. Следовательно, речевая интенция здесь является отдельным звеном организации речевого действия, возникающим на мотивационном основании, но не тождественным мотиву.

Обозначение первого плана как мотивационно-смыслового требует отдельного уточнения. У А. Н. Леонтьева мотивы различаются не только по побудительной функции: смыслообразующие мотивы, побуждая деятельность, одновременно придают ей личностный смысл [Леонтьев А. Н., 1975, с. 105]. Поэтому «личностный смысл» в предлагаемой модели не означает просто субъективную важность ситуации или эмоциональную окраску переживания. Речь идет о том, какое значение действие приобретает для субъекта в связи с мотивами более широкой деятельности. Именно эта связь позволяет отличить мотивационно-смысловой анализ от перечня предполагаемых «мотивирующих» акустических признаков.

Современная эмпирическая литература позволяет дополнительно уточнить целевой статус коммуникативного намерения. N. Hellbernd и D. Sammler определяют *communicative intentions* как цели межличностных действий, которые должны быть распознаны собеседником и повлиять на его реакцию [Hellbernd, Sammler, 2016]. Это определение не тождественно модели А. А. Леонтьева, но согласуется с разграничением мотивационного основания и конкретной коммуникативной направленности действия. Линия исследований Р. М. Gollwitzer используется здесь только как дополнительная междисциплинарная терминологическая проверка: в ней *goal intention* и *implementation intention* относятся соответственно к принятию цели и планированию ее реализации [Gollwitzer, 1999; Achtziger, Gollwitzer, 2008], а не служат другим названием скрытого мотива.

Коммуникативное намерение поэтому целесообразно рассматривать в целевом плане голосового действия. Человек может стремиться успокоить собеседника, настоять на своем, выразить сомнение, предупредить, дистанцироваться или, напротив, сократить социальную дистанцию. Эти формулировки описывают то, что субъект делает в конкретном взаимодействии. Мотив отвечает на другой вопрос: почему именно эта цель оказывается для него значимой в более широкой системе активности. Два человека могут преследовать внешне сходную коммуникативную цель, например, стремиться звучать уверенно, но делать это по разным мотивам. Один поддерживает профессиональную роль, другой пытается снизить собственную неопределенность, третий стремится сохранить статус в группе. Сходная целевая направленность не гарантирует тождества мотивационно-смыслового основания.

Обратная зависимость также не является однозначной. Один мотив может реализовываться через разные коммуникативные цели в зависимости от ситуации. Стремление сохранить значимое отношение с партнером может в одном случае организовать мягкое несогласие, в другом - прямое предупреждение, в третьем - отказ от речевого давления. Следовательно, понятие мотивационно-смыслового плана нельзя свести к перечню «мотивационных голосовых признаков». Его психологический статус определяется местом голосового действия в более широкой активности субъекта, а не фиксированным акустическим кодом.

Коммуникативное намерение и просодическая реализация

Эмпирические исследования просодии показывают, что целевая сторона коммуникации способна получать различимую голосовую форму. N. Hellbernd и D. Sammler предложили участникам произносить слова и псевдослова с различными коммуникативными намерениями и показали, что эти намерения сопровождалась характерными конфигурациями просодических признаков, которые слушатели могли распознавать даже при ограничении лексической и контекстной информации [Hellbernd, Sammler, 2016]. Авторы определяли коммуникативные намерения как цели межличностных действий, рассчитанные на распознавание собеседником. Для предлагаемой модели эта работа важна тем, что эмпирически связывает целевую направленность действия с просодическим оформлением, не требуя отождествлять намерение с мотивом личности.

В последующей работе тех же авторов изучались нейрокогнитивные механизмы распознавания критики, сомнения и предложения по просодии [Hellbernd, Sammler, 2018]. Полученные данные указывают на последовательное преобразование акустической информации в более абстрактную социально-интенциональную интерпретацию. Исследование P. Gao и соавторов также обнаружило различимую временную динамику обработки акустических признаков, эмоциональной оценки и интерпретации коммуникативного намерения [Gao et al., 2024]. Эти результаты не следует представлять как прямое доказательство трехплановой модели голосового поведения: они относятся к восприятию намерения слушателем и включают нейрофизиологические методы. Но они показывают методологически важную вещь - акустический сигнал и психологическая интерпретация намерения не являются одним уровнем описания.

Со стороны производства голоса важны исследования намеренной модуляции. В работе S. Guldner и соавторов говорящие изменяли голос, чтобы вызвать определенные социальные впечатления у слушателей [Guldner et al., 2024]. S. M. Hughes и соавторы изучали целенаправленное изменение звучания при попытке передать привлекательность, уверенность,

доминантность или интеллект [Hughes, Mogilski, Harrison, 2014]. Эти заданные социальные впечатления не тождественны коммуникативным намерениям в смысле речевого акта, поэтому данные [Guldner et al., 2024; Hughes, Mogilski, Harrison, 2014] используются здесь только как свидетельство пластичности голосовой реализации и ее зависимости от задачи. Обзорные работы помещают голосовую модуляцию в широкий ряд социальных контекстов; в частности, S. M. Hughes и D. A. Puts подробно рассматривают ее изменчивость в ситуациях привлекательности, статуса и внутриполовой конкуренции [Leongómez et al., 2021; Hughes, Puts, 2021]. В совокупности эти данные подтверждают зависимость голосовой реализации от задачи и контекста, но не дают основания постулировать универсальный однозначный акустический код каждой цели. Тем более они не позволяют непосредственно выводить мотив из способа исполнения.

Трехплановая модель организации голосового поведения

На основании проведенного анализа предлагается рассматривать голосовое поведение не как сумму двух «интенций», а как организацию, в которой аналитически различимы три взаимосвязанных плана.

Мотивационно-смысловой план характеризует включенность голосового действия в более широкую систему активности субъекта. В центре этого плана находятся мотив и связанный с ним личностный смысл; потребность, отношение к ситуации, значимость партнера и результата рассматриваются как контекст, необходимый для психологической реконструкции этой связи. Этот план отвечает не на вопрос «как звучит голос?», а на вопрос «ради чего для человека организуется данное действие и какое место оно занимает в его активности?». Мотив может быть осознан в различной степени. Сам факт его неполной осознанности не является основанием для выделения отдельного «неосознаваемого голосового поведения».

Целевой план относится к конкретному голосовому действию. Он задается ожидаемым результатом: что субъект стремится сделать во взаимодействии и какого изменения ситуации добивается. Коммуникативное намерение в предлагаемой схеме рассматривается именно здесь. Оно может быть выражено речевым содержанием, просодией, их сочетанием или более широким контекстом действия. Для исследования голосового поведения существенно, что одна и та же словесная конструкция способна получать различное просодическое оформление при изменении коммуникативной задачи [Hellbernd, Sammler, 2016].

Операционально-исполнительский план описывает реализованный способ, которым целевая задача получает голосовую форму в конкретных условиях. Это аналитический уровень наблюдаемого исполнения, а не новое название категории операции у А. Н. Леонтьева. Психологическая операция может быть одним из механизмов такого исполнения, если способ действия сформирован, автоматизирован и определяется условиями; однако в тот же аналитический план попадают и намеренно изменяемые характеристики звучания, когда субъект перестраивает их в соответствии с текущей целью. Поэтому отдельный акустический параметр сам по себе не объявляется операцией. Предметом анализа становится организация средств реализации - просодии, темпа, интенсивности, высоты, голосового качества, временных характеристик - в отношении к цели и условиям действия.

Эти планы нельзя понимать как три изолированных «блока» психики или как линейную причинную цепь. Мотив не кодируется непосредственно в цели, а цель - в единственной акустической конфигурации. Связи носят вариативный характер и зависят от ситуации, опыта,

доступного голосового репертуара и условий действия. Именно поэтому предлагаемая модель является аналитической: она позволяет задавать к одному голосовому эпизоду разные, но не взаимозаменяемые вопросы.

Неединственность соответствий как центральное теоретическое следствие

Для психологии голоса особенно важно отказаться от предположения о взаимно-однозначном соответствии между внутренним основанием поведения и внешним признаком звучания. Если определенная задача действительно связана с характерной просодической конфигурацией на групповом уровне, из этого еще не следует, что данная конфигурация имеет одно психологическое значение у каждого отдельного человека.

Неединственность между мотивом и целью не является специальным допущением модели голоса. А. Н. Леонтьев прямо указывает, что одно и то же действие может иметь разные мотивы, а один мотив - конкретизироваться в разных целях и порождать разные действия [Леонтьев А. Н., 1975, с. 50]. Для голосового поведения к этому добавляется различие между целью и способом ее исполнения. Исследования намеренной модуляции [Guldner et al., 2024; Hughes, Mogilski, Harrison, 2014] показывают, что при разных заданных формах самопрезентации говорящие изменяют несколько акустических характеристик. Эти данные подтверждают пластичность голосовой реализации, но сами по себе не устанавливают универсального однозначного акустического кода цели. Наконец, сходная исполнительская конфигурация может возникать при разном психологическом содержании действия: например, изменение интенсивности может определяться коммуникативной задачей либо условиями слышимости. Поэтому отношения между мотивом, целью и голосовой реализацией необходимо рассматривать как контекстно зависимые, а не как фиксированное соответствие.

Отсюда следует методологическое ограничение, значимое и для будущей эмпирики: акустическая характеристика должна рассматриваться как наблюдаемый компонент исполнения, а не как прямой индикатор мотива. Переход от звучания к психологической интерпретации требует сведений о задаче, ситуации, повторяемости поведения, субъективной оценке и других данных, позволяющих восстановить организацию действия. Такой подход защищает исследование голосового поведения от редукции, при которой психологическая категория фактически заменяется акустическим маркером.

Соотношение с ранее предложенной моделью

Уточнение категорий не означает отказа от основной идеи предыдущей публикации [Барабанов, Тачева, 2026]. Напротив, ее продуктивным результатом было само выделение различия между голосовым действием, связанным с конкретной задачей, и более широким мотивационным основанием поведения. На раннем этапе это различие было описано через пару «деятельностная - мотивационная интенции». Дальнейший анализ показывает, что для строгого употребления в общей психологии требуется изменить не исходный вопрос, а способ его категориального решения.

Первое уточнение касается критерия осознанности. Действие не следует определять как «осознаваемую часть», а деятельность - как «неосознаваемую». Уровень осознания может быть важной характеристикой регуляции, но он не заменяет функционального различения мотива,

цели и операции [Леонтьев А. Н., 1975]. Второе уточнение относится к слову «интенция». Мотив и намерение связаны, но не тождественны; коммуникативное намерение структурно ближе к целевой направленности конкретного действия [Леонтьев А. А., 1999, с. 136-138], [Hellbernd, Sammler, 2016]. Третье уточнение - введение операционально-исполнительского плана. Без него путь от цели к наблюдаемому звучанию остается неопианным, а любая просодическая характеристика рискует получить чрезмерно прямую психологическую интерпретацию.

В этом смысле ранее предложенную двухкомпонентную модель можно рассматривать как первый этап концептуального разведения целевого и мотивационного оснований голосового поведения. Трехплановая модель не увеличивает число сущностей ради усложнения схемы, а устраняет смешение уровней. Она позволяет сохранить основное положение о психологической обусловленности голосового поведения и одновременно точнее определить, что именно может быть отнесено к мотиву, что - к цели, а что - к способу выполнения.

Апелляция к оппонентам и границы модели

Главное возражение к предлагаемой схеме касается ее новизны. В отечественной теории речевой деятельности уже разработаны близкие, но не тождественные основания такого разведения. И. А. Зимняя выделяет мотивационно-побудительную, ориентировочно-исследовательскую и исполнительную фазы речевой деятельности [Зимняя, 2001]. Е. Ф. Тарасов, применяя деятельностный анализ к речевому воздействию, прямо соотносит речь с действием, ее непосредственную цель - с целевой организацией действия, более широкий мотив - с деятельностью, а способ речепроизводства - с операцией и условиями общения [Тарасов, 1990, с. 11]. Поэтому трехплановая модель не заявляется как впервые обнаруженная общая структура речи. Ее задача состоит в более узком категориальном решении проблемы голосового поведения. Деятельностные категории используются для разграничения вопросов, которые возникают при интерпретации одного и того же голосового эпизода: какой мотив придает действию место и смысл в более широкой активности, какую коммуникативную цель преследует субъект и каким способом эта цель реализуется в звучании. Операционально-исполнительский план при этом не объявляется отдельной «голосовой операцией», а сохраняет статус аналитического уровня реализации.

Еще одно возражение связано с эмпирической доступностью мотивационно-смыслового плана. Если мотив нельзя непосредственно считать из акустики, не становится ли этот план недоступным исследованию? Нет, но и психологический опросник не дает прямого доступа к мотиву сам по себе. О мотивационно-смысловой организации можно судить только косвенно, по совокупности взаимно дополняющих данных: контексту и субъективной оценке ситуации, самоотчету, особенностям выбора целей, устойчивым отношениям субъекта и их сопоставлению с повторными голосовыми действиями. Конкретная операционализация выходит за рамки данной статьи; принципиальным остается требование не подменять мотивационный уровень одним наблюдаемым маркером.

Отдельный вопрос возникает из-за того, что исследования коммуникативных намерений уже связывают намерение с просодией, поэтому дополнительное различие может казаться избыточным. Однако именно эти работы показывают необходимость такого различия. N. Hellbernd и D. Sammler исследуют коммуникативные намерения как цели межличностных действий и их просодическое кодирование [Hellbernd, Sammler, 2016], а не мотивы личности. Их данные хорошо согласуются с целевым и операционально-исполнительскими планами, но не

дают основания считать, что из просодии восстановлен мотивационно-смысловой уровень. Модель становится строже тогда, когда не заставляет один вид данных отвечать на вопрос, который он методологически не может решить.

Научная новизна и теоретическое значение

С учетом разработанной ранее теории речевой деятельности научную новизну настоящего подхода нельзя связывать с самим переносом базовых деятельностных различий мотива, цели и способа исполнения в область речи. У И. А. Зимней разработана фазная организация речевой деятельности [Зимняя, 2001], а у Е. Ф. Тарасова категории мотива, цели, действия, операции и условий прямо применены к речевому общению [Тарасов, 1990, с. 11]. Авторский результат относится к более узкой проблеме психологической интерпретации голосового поведения. В предлагаемой модели коммуникативное намерение категориально разводится с мотивом; голосовая реализация выделяется как особый аналитический вопрос о способе выполнения без отождествления акустического параметра с психологической операцией; общее положение о вариативности отношений мотива и цели распространяется на цепочку «мотив - коммуникативная цель - голосовая (выраженная через акустическое действие) реализация». В результате формулируется общий принцип неединственности соответствий, который ограничивает прямой вывод от наблюдаемого звучания к мотиву и задает требования к данным, необходимым для психологической интерпретации.

Теоретическое значение модели состоит в том, что она разделяет вопросы, которые требуют разных данных: мотив и личностный смысл относятся к месту действия в более широкой активности; коммуникативное намерение - к ожидаемому результату конкретного взаимодействия; акустические и просодические характеристики - к способу исполнения в данных условиях. Для дальнейшего исследования стереотипа голосового поведения это задает важное ограничение: повторяемость внешнего признака сама по себе не доказывает повторяемость психологической организации действия. Устойчивость должна анализироваться с учетом повторяемости задачи, условий и способа исполнения.

Из модели следуют проверяемые направления для последующей эмпирики. При одной и той же коммуникативной цели следует ожидать вариативности акустической реализации между людьми и ситуациями. Сходная акустическая конфигурация, в свою очередь, может включаться в действия с разными целями или мотивационными основаниями. Наконец, психологическая интерпретация мотива должна становиться обоснованнее при включении сведений о задаче, контексте и повторных внутрииндивидуальных наблюдениях по сравнению с интерпретацией, основанной только на акустических признаках. Эти положения имеют статус следствий теоретической модели и требуют самостоятельной эмпирической проверки.

Выводы

Категориальное сопоставление позволяет сформулировать шесть итоговых положений.

1. Ранее предложенная модель деятельностной и мотивационной интенций сохраняет продуктивное различие между целевой и мотивационной обусловленностью голосового поведения, но требует терминологического и структурного уточнения.

2. В логике деятельностного подхода деятельность следует соотносить с мотивом, действие - с целью, а операциональную организацию - с условиями и способом выполнения. Степень

осознанности не может использоваться как основной критерий разграничения деятельности и действия.

3. Мотив и коммуникативное намерение не являются синонимами. Мотив задает более широкий смысловой контекст активности, тогда как коммуникативное намерение относится к целевой направленности конкретного действия.

4. Голосовое поведение целесообразно анализировать в трех взаимосвязанных планах: мотивационно-смысловом, целевом и операционально-исполнительском. Последний описывает способ, которым задача субъекта получает конкретную голосовую форму в данных условиях.

5. Между мотивом, целью и наблюдаемой голосовой реализацией отсутствует взаимно-однозначное соответствие. Поэтому отдельный акустический или просодический параметр не может рассматриваться как прямой показатель мотива без дополнительных психологических и ситуационных данных.

6. Предлагаемое уточнение развивает раннюю двухкомпонентную модель, не претендуя на впервые введенное деятельностное разведение мотивационной, целевой и исполнительской сторон речевого процесса. Его специфический результат состоит в применении принципа неединственности соответствий к связи мотива, коммуникативной цели и голосовой реализации и в ограничении прямой интерпретации акустических признаков как показателей мотива. Вопрос о формировании стереотипа голосового поведения требует самостоятельной эмпирической проверки.

Библиография

1. Барабанов Р. Е., Тачева Е. А. Голосовое поведение человека: деятельностная и мотивационная интенции // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2026. № 1–2.
2. Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
3. Леонтьев А. А. Психология общения. 3-е изд. М.: Смысл, 1999. 365 с.
4. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
6. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание: о месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 328 с.
7. Тарасов Е. Ф. Речевое воздействие: методология и теория // Оптимизация речевого воздействия / отв. ред. Р. Г. Котов. М.: Наука, 1990. С. 5-18.
8. Achziger A., Gollwitzer P. M. Motivation and Volition in the Course of Action // Motivation and Action / ed. by J. Heckhausen, H. Heckhausen. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 272-295. DOI: 10.1017/CBO9780511499821.012.
9. Gao P., Jiang Z., Yang Y., Zheng Y., Feng G., Li X. Temporal neural dynamics of understanding communicative intentions from speech prosody // NeuroImage. 2024. Vol. 299. Article 120830. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2024.120830.
10. Gollwitzer P. M. Implementation Intentions: Strong Effects of Simple Plans // American Psychologist. 1999. Vol. 54. No. 7. P. 493-503. DOI: 10.1037/0003-066X.54.7.493.
11. Guldner S., Lavan N., Lally C., Wittmann L., Nees F., Flor H., McGettigan C. Human talkers change their voices to elicit specific trait percepts // Psychonomic Bulletin & Review. 2024. Vol. 31. No. 1. P. 209-222. DOI: 10.3758/s13423-023-02333-y.
12. Hellbernd N., Sammler D. Neural bases of social communicative intentions in speech // Social Cognitive and Affective Neuroscience. 2018. Vol. 13. No. 6. P. 604-615. DOI: 10.1093/scan/nsy034.
13. Hellbernd N., Sammler D. Prosody conveys speaker's intentions: Acoustic cues for speech act perception // Journal of Memory and Language. 2016. Vol. 88. P. 70-86. DOI: 10.1016/j.jml.2016.01.001.
14. Hughes S. M., Mogilski J. K., Harrison M. A. The Perception and Parameters of Intentional Voice Manipulation // Journal of Nonverbal Behavior. 2014. Vol. 38. No. 1. P. 107-127. DOI: 10.1007/s10919-013-0163-z.
15. Hughes S. M., Puts D. A. Vocal modulation in human mating and competition // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2021. Vol. 376. No. 1840. Article 20200388. DOI: 10.1098/rstb.2020.0388.

16. Leongómez J. D., Pisanski K., Reby D., Sauter D., Lavan N., Perlman M., Varella Valentova J. Voice modulation: from origin and mechanism to social impact // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2021. Vol. 376. No. 1840. Article 20200386. DOI: 10.1098/rstb.2020.0386.

Motivational-Semantic, Goal, and Operational-Performative Plans of the Organization of Vocal Behavior: Toward a Refinement of the Previously Proposed Model of Activity and Motivational Intentions

Rodion E. Barabanov

Doctor of Philosophy (Ph.D.),
PhD in Psychology,
Specialist of the Highest Qualification Category, Associate Professor,
Department of General Psychology,
Department of Psychology and Pedagogy of Education,
L.S. Vygotsky Institute of Psychology,
Russian State University for the Humanities,
125047, 6, Miuskaya square, Moscow, Russian Federation;
e-mail: ksp_kpr_14@mail.ru

Ekaterina A. Tacheva

Higher School Lecturer,
Methodologist,
Master Trainer in Voice and Speech Work;
Master of Theatre Arts (Methods of Teaching Stage Speech),
Master of Psychology (Counseling Psychology),
Postgraduate Student,
Moscow Institute of Psychoanalysis,
121170, 34/14, Kutuzovskiy ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 2586449@mail.ru

Abstract

The categorical organization of vocal behavior in the correlation of motive, personal meaning, goal, communicative intention, and method of vocal realization remains insufficiently elaborated. The objective of the research is to theoretically refine the previously proposed model of activity and motivational intentions by distinguishing the motivational-semantic, goal, and operational-performative plans of the organization of vocal behavior. The methodological basis was the activity approach; theoretical-methodological and categorical analysis were applied, as well as a comparison of the domestic theory of activity and speech activity with modern studies of communicative intentions and intentional voice modulation. It is shown that motive and communicative intention are not identical: motive belongs to a broader system of activity and personal meaning, whereas

communicative intention characterizes the goal orientation of a specific action. Vocal realization is considered as an operational-performative plan, including methods of prosodic and acoustic design of the action. The principle of non-uniqueness of correspondences between motive, goal, and sound is formulated, which limits direct inference about the psychological content of behavior from individual acoustic features. The proposed refinement sets the methodological foundations for subsequent empirical verification of stable forms of vocal behavior and requires taking into account the task, the situation, and the intra-individual repeatability of vocal realization.

For citation

Barabanov R.E., Tacheva E.A. (2026) Motivatsionno-smyslovoy, tselevoy i operatsional'no-ispolnitel'skiy plany organizatsii golosovogo povedeniya: k utochneniyu ranee predlozhennoy modeli deyatel'nostnoy i motivatsionnoy intentsiy [Motivational-Semantic, Goal, and Operational-Performative Plans of the Organization of Vocal Behavior: Toward a Refinement of the Previously Proposed Model of Activity and Motivational Intentions]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (7A), pp. 73-87. DOI: 10.34670/AR.2026.73.92.008

Keywords

Vocal behavior, vocal action, motive, personal meaning, goal of action, communicative intention, activity theory, motivational-semantic organization, goal organization, operational-performative organization, methodology of psychology.

References

1. Achtziger, A., & Gollwitzer, P. M. (2008). Motivation and volition in the course of action. In J. Heckhausen & H. Heckhausen (Eds.), *Motivation and Action* (pp. 272-295). Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511499821.012
2. Barabanov, R. E., & Tacheva, E. A. (2026) Golosovoye povedeniye cheloveka: deyatel'nostnaya i motivatsionnaya intensii [Human voice behavior: Activity-related and motivational intentions]. *Nauchnoye obozreniye. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki*, (1-2).
3. Gao, P., Jiang, Z., Yang, Y., Zheng, Y., Feng, G., & Li, X. (2024). Temporal neural dynamics of understanding communicative intentions from speech prosody. *NeuroImage*, *299*, Article 120830. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2024.120830
4. Gollwitzer, P. M. (1999). Implementation intentions: Strong effects of simple plans. *American Psychologist*, *54*(7), 493-503. DOI: 10.1037/0003-066X.54.7.493
5. Guldner, S., Lavan, N., Lally, C., Wittmann, L., Nees, F., Flor, H., & McGettigan, C. (2024). Human talkers change their voices to elicit specific trait percepts. *Psychonomic Bulletin & Review*, *31*(1), 209-222. DOI: 10.3758/s13423-023-02333-y
6. Hellbernd, N., & Sammler, D. (2016). Prosody conveys speaker's intentions: Acoustic cues for speech act perception. *Journal of Memory and Language*, *88*, 70-86. DOI: 10.1016/j.jml.2016.01.001
7. Hellbernd, N., & Sammler, D. (2018). Neural bases of social communicative intentions in speech. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, *13*(6), 604-615. DOI: 10.1093/scan/nsy034
8. Hughes, S. M., Mogilski, J. K., & Harrison, M. A. (2014). The perception and parameters of intentional voice manipulation. *Journal of Nonverbal Behavior*, *38*(1), 107-127. DOI: 10.1007/s10919-013-0163-z
9. Hughes, S. M., & Puts, D. A. (2021). Vocal modulation in human mating and competition. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, *376*(1840), Article 20200388. DOI: 10.1098/rstb.2020.0388
10. Leongómez, J. D., Pisanski, K., Reby, D., Sauter, D., Lavan, N., Perlman, M., & Varella Valentova, J. (2021). Voice modulation: From origin and mechanism to social impact. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, *376*(1840), Article 20200386. DOI: 10.1098/rstb.2020.0386
11. Leont'ev, A. A. (1969). *Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'* [Language, speech, and speech activity]. Moscow: Prosveshcheniye.
12. Leont'ev, A. A. (1999). *Psikhologiya obshcheniya* [Psychology of communication] (3rd ed.). Moscow: Smysl.

-
13. Leont'ev, A. N. (1975). Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.
 14. Rubinshteyn, S. L. (1957). Bytiye i soznaniye: o meste psikhicheskogo vo vseobshchey vzaimosvyazi yavleniy material'nogo mira [Being and consciousness: On the place of the mental in the universal interconnection of phenomena of the material world]. Moscow: Izd-vo AN SSSR.
 15. Tarasov, E. F. (1990). Rechevoye vozdeystviye: metodologiya i teoriya [Speech influence: Methodology and theory]. In R. G. Kotov (Ed.), Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya [Optimization of speech influence] (pp. 5-18). Moscow: Nauka.
 16. Zimnyaya, I. A. (2001). Lingvopsikhologiya rechevoy deyatel'nosti [Linguopsychology of speech activity]. Moscow: Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institut; Voronezh: NPO «MODEK».